

(121)-08-9

Александр ЖУРБИН:

ПЛИТОЧКА
В БЕЗУМНОЙ МОЗАИКЕ

Sponsored by
DLB Deutsche Lëtische Bank

ABSOLUTE ENSEMBLE
presents
ALEXANDER ZHURBIN

... Zhurbin is like the Russian Leonard Bernstein
The New York Times

... Music of Alexander Zhurbin is both engaging and full of energy ...
Harc Stern

... I was delighted with your music. I feel you write with grace and style, and your music is delightfully tuneful.
Joseph Stein playwright

... As a thoroughly trained professional, Mr. Zhurbin is proficient at all levels of his craft - composition, orchestration, musical direction. His open-mindedness and individual creativity spark all his associates.
Robert Kufus Broadway director

Zhurbin ... can compose with equal effectiveness in the fields of serious and popular music with no sacrifice of quality or individuality, a rare gift indeed.
Sheldon Harwick lyricist

Music of Zhurbin is ... full of melodic invention ... honest-to-God ...
Philadelphia Enquirer April 13, 1991

Symphony #2 of Alexander Zhurbin ... is a delightful excursion.
Jones & Ragland New York 1991

The music (Alexander Zhurbin Symphony) was just as refreshing and entertaining to the individual musicians in the symphony as to the audience.
Victoria Advocate, Texas, Oct. 5, 1992

... I know Alexander Zhurbin for many years and he is a very talented composer and musician ...
Vladimir Feltonsky pianist

... Alexander - your music is wonderful, your spirit made me happy.
Susan Sontag

... Beautiful!
Norman Macdonald

ZHURBIN UNVEILED

Monday, Dec. 18th, 1995 at 8 PM
Weill Recital Hall
at Carnegie Hall
154 West 57th st.
at Seventh ave.
New York, NY 10019

For reservations: tel. 212.262.0312
fax 212.262.0369
Admissions: \$25, \$16, \$11
Students: \$7
All major credit cards accepted

ВЫ - СПЯТИЛИ!

«Русский театр? На русском языке? В Нью-Йорке? Да вы спятили!» — так говорили мне практически все в 1992 году, когда мы затевали свою необычную театральную антрепризу.

Вспоминаю одного человека (в России он занимался театром и был эстрадным автором, а здесь стал специалистом по ремонту мебели), который говорил: «Саша, ты здесь человек новый, а я здесь уже семнадцать лет. Поверь мне, никому здесь не нужно искусство. Эмигранты тяжело живут и работают, и если у них выдается свободная минутка, то они лучше пойдут в ресторан, выпьют и попляшут под громкую музыку. На фиг им твой театр?»

Другой известный актер, тоже давно здесь живущий и сначала увлекшийся идеей нашего театра, поняв, что это потребует много времени и сил, а материальной отдачи — никакой, тихо-тихо исчез, только мы его и видели.

А одна пожилая критикесса, которая долгие годы считалась здесь главной и единственной «интеллектуалкой», сразу же восприняла нашу идею в штыки, стала всюду говорить и писать, что ничего из этого не получится, что русская община еще не созрела для своего театра, что, мол, были уже попытки, да все они провалились, и эта тоже провалится.

Но мы не обращали внимания. Мы просто работали. И вспоминали древнюю восточную мудрость — собака лает, караван идет...

В АМЕРИКУ — НЕ В ЭМИГРАЦИЮ

А началось это так. Когда я приехал в 1990 году, то твердо решил для себя, что еду в Америку, а не в эмиграцию. (Помните у Довлатова: «Мы живем не в Америке, мы живем в эмиграции».) Так вот, я сразу стал активно вливаться в американскую жизнь: мы поселились в Манхэттене, в районе, где практически нет русскоговорящих семей, стал работать в американской организации, поста-

вил свой мюзикл в одном из крупнейших театров Восточного побережья.

Адаптация шла стремительно, уже через несколько месяцев мы с женой очень прилично говорили по-английски, общались только с американцами и были, так сказать, приняты если и не в самом высшем, то в весьма высокого класса американском обществе.

В тот первый год мы практически не общались с русскими, не читали русских газет и не бывали в Бруклине.

Но потом все изменилось.

Проведя среди американцев довольно много времени и сохраняя восхищение многими их качествами: работоспособностью, жизнерадостностью, умением следить за собой (и за другими), способностью фанатично заниматься своим здоровьем и диетой — я вдруг понял, что мне этого мало. Что хочется родного русского общения, красивых застолий, тостов, выяснения отношений типа «ты меня уважаешь?», приходов в гости ночью, без звонка, но зато с бутылкой — ну и так далее, чего там объяснять, вы сами все знаете.

Как раз в это время я стал сотрудничать с русской редакцией радио «Свобода», писать для «Нового русского слова», приехали старые друзья из России, появились новые друзья в Бруклине.

Жизнь стала приобретать как раз тот двойственный характер, какой и должен быть у людей, переживших место жительства. С одной стороны, мы жили (и продолжаем жить) в Америке, имеем много американских друзей, бываем на их праздниках, а они — у нас. С другой стороны, нас окружает большое количество друзей-соотечественников, еще больше приятелей и просто знакомых, которые образуют некую «pet-work», то есть сеть, и по любому вопросу — от приготовления салата до приобретения дома во Флориде — всегда есть с кем посоветоваться.

Словом, жизнь наладилась. Чего-то важного, однако, не хватало. А именно — любимого дела.

ИДЕЯ ИЗ ВОЗДУХА

В моей российской жизни мне страшно везло: я всегда занимался тем, чем хотел. Я сочинял музыку, участвовал в создании спектаклей и кинофильмов, выступал в концертах и по телевидению, ездил по стране, получая от всего этого максимум

удовольствия и очень удивляясь, что за все это мне к тому же еще и хорошо платят.

В Америке с деньгами в конце концов стало нормально, но вот радости от работы было мало. И тогда возникла идея театра.

Собственно, эта идея носилась в воздухе. И тут мне опять страшно повезло. Именно в это время в Нью-Йорке волею случая и эмиграционных волн собралась целая группа талантливейших театральных профессионалов из России — актеров, художников, танцоров, певцов, которые оказались практически без работы. То есть они, конечно, работали — кто шофером, кто официантом, а некоторые даже и «по специальности» (художники малевали вывески, танцоры и певцы развлекали народ в ночных ресторанных шоу), но все это была работа не того класса, что они заслуживали, не того уровня, к которому они привыкли. И увидев все это, я подумал — этих людей надо объединить.

Многих из них я знал в России. С некоторыми познакомился здесь. О каждом стоит сказать отдельно.

С Леной Соловей мы были знакомы давно. Пару раз я писал музыку к фильмам, где она снималась, мы бегло встречались в коридорах разных киностудий и в театре Ленсовета. Когда я позвонил ей и сказал: «Лена, мы собираемся делать театр, приходи на репетицию», — она не поверила своим ушам. Но сказала: «Приду». И пришла. И приходила всегда точно, вовремя, не опаздывая, хотя живет в далеком загадочном городе Фэйрленд, штат Нью-Джерси, и автомобилем не пользуется. И во всем, что она делала и делает, есть некий высший профессионализм. И никакой звездной болезни. Сейчас она блестяще сыграла главную роль в спектакле «Танго в сентябре», а в следующем сезоне мы собираемся специально для нее поставить «Месяц в деревне» Тургенева и, может быть, даже «Вишневый сад» Чехова.

Я давно знал Мишу Калиновского, замечательного певца и актера, ведущего солиста Ленинградского малого оперного театра. Когда я позвонил ему и сказал: «Миша, для тебя есть роль в новом спектакле», — он тоже не поверил. Но пришел. И роль, которую он сделал в нашем театре — роль Менделеева Крика, — стала поистине шедевром, которым восхищались многие зрители и критики.

Я знал по Одессе талантливого Наташу Науменко, которой не удалось на Украине полностью проявить свои возможности. В нашем театре она стала ведущей артисткой, настоящей примой, сыграв три главных роли в спектаклях «Молдаванка», «Бедная Лиза» и «Шерше ля... фам».

Я видел в спектаклях Московского Ленкома яркого артиста Юру Наумкина. Юра — театральный фанатик, он бесконечно предан театру, он не только прекрасно играет на сцене, но и следит, чтобы все было в порядке со светом, со звуком, с декорациями. Он прекрасно играет Беню Крика в «Молдаванке» и Эраста в «Бедной Лизе», и у нас есть обширные планы на будущий сезон.

Некоторых актеров я встретил здесь. Спасибо Яну Медовару, организовавшему однажды на Брайтоне прослушивание для нас. Тут, прежде всего, надо отметить Бориса Казинца. Борис — актер высшей категории, народный артист Грузии, человек, проведший всю жизнь в театре и не мыслящий себя вне искусства. Он — одна из движущих сил нашего театра. Будто бы специально для него написана роль Алекса в спектакле «Танго в сентябре». Когда я нахожусь в депрессии, денег в кассе театра нет, то в отчаянии говорю: «Все, зак-

рываемся к чертовой матери!», только Боря в состоянии поддержать меня и уверить, что все будет хорошо.

БЫВШИЕ ВРАГИ

Наверное, главной моей ошибкой при создании театра было то, что я неправильно рассчитал свои силы, а также силы нашей русскоязычной общины.

Все-таки культура — странная вещь, которая таинственным образом связана с тем местом, экологией, климатом и прочими, казалось бы, irrelevantными вещами. В отрыве от этих обстоятельств культура вдруг умирает, задыхается, как экзотический цветок, пересаженный в новую почву. Нельзя себе представить, чтобы музыка Чайковского родилась где-нибудь в Танзании, так же как нельзя себе представить, чтобы Вилла Лобос родился в Вологодской губернии. И хотя Томас Манн гордо говорил: «Германия — там, где я нахожусь», однако при первой возможности вернулся из солнечной и беззаботной Калифорнии в полуразрушенную, но родную страну.

Конечно, чтобы учиться играть на скрипке или танцевать в классическом балете, никакая особая национальная почва не нужна.

Но как только мы коснемся искусства, связанных с национальными традициями и с языком, — тут ситуация резко меняется. Ну, в самом деле, будете ли вы рваться на шекспировский театр из Пакистана? Танцевальную группу «Фламенко» из Швеции? Театр «Кабуки» из Алжира? Ансамбль «Сиртаки» из Риги? Русский театр из Нью-Йорка?

Конечно, это последнее я вставил для «полюбовного зазора». Потому что из Нью-Йорка может быть все что угодно. Здесь есть и китайская опера, и пуэрто-риканский театр, и бразильский балет, и оркестр африканских барабанов. Русский театр — лишь еще одна красочка, еще одна цветная плитка в безумной нью-йоркской мозаике.

Однако верно и то, что все эти упомянутые «плиточки» живут скверно. Конечно, если это чернокожие афро-американцы, то у них огромная поддержка вверху, на их стороне закон, по которому чернокожие во многих случаях имеют преимущества перед белыми. То же относится к пуэрториканцам, гаитянам, доминиканцам и прочим островитянам, соседям, для которых Америка давно уже нечто вроде дойной коровы с бесконечными запасами бесплатного молока.

Вернемся к русским — тут ситуация совсем другая. Во-первых, русские — бывшие враги. Когда-то помогать русским, которые боролись с коммунизмом, было почетно, и на это выделялись немалые деньги. Теперь, когда с коммунизмом покончено, а с русскими все более связываются слова «мафия» и «бандиты», помогать им никто особенно не рвется. Тем более что масс-медиа регулярно сообщают о безумных богатствах, которые скопились у некоторых «новых русских».

Поэтому когда мы просим денег у каких-нибудь американских фондов или правительственных организаций, нам советуют: «Ребята, пусть ваши и поддержат — вас в одном Нью-Йорке около миллиона человек...»

Мои попытки получить постоянную поддержку от состоятельных русскоязычных эмигрантов потерпели фиаско...

НАШЕ «НАСЛЕДИЕ»

Теперь мне бы хотелось отбросить экономическую тему и сосредоточиться на вопросах творческих. Хочу попытаться ответить: каков все же чисто художественный результат деятельности нашего театра? Удалось

Труппа театра «Блуждающие звезды» (США, Нью-Йорк).

Журбин Александр

239/241